

Т. В. Юрьева

Труд как категория средневековой культуры и его православные коннотации

В статье раскрываются религиозно-нравственные аспекты категории «труд» в восточно-христианской православной культуре. Вопрос труда, который является одним из важнейших для человечества, может быть рассмотрен как категория, или концепт, обладающий различными коннотациями в зависимости от определенного типа или исторического периода существования культуры. Отношение человечества к труду колеблется от восприятия его как тяжелой необходимости до понимания как «первой жизненной потребности всесторонне развитого человека». Особые коннотации получает категория «труд» в православной культуре. Автор статьи приходит к выводу, что православная коннотация категории «труд» имеет свои особенности, опирающиеся на отношение к труду, которое можно охарактеризовать как двоякое, когда можно было уже различать практическое и духовное. Духовная сторона трудовой деятельности опирается на мировоззренческие основы, характеризующие православную культуру. Категория «труд» вписывается в общую систему богословских представлений, в восточном христианстве формируется «богословие труда». Христианская церковь рассматривает труд как средство против праздности, как средство воспитания христианина, его добродетелей, таких как смирение, целомудренность и кротость, как мерило состоятельности тех, кто стремится встать на путь монашества, положительно ориентированной практической жизне- и мироустроительной деятельности.

Ключевые слова: труд, средневековая культура, православие, концепт, категория культуры, аскеза, святость, монашество, воспитание.

T. V. Yurieva

Work as a Category of Medieval Culture and Its Orthodox Connotations

In the article religious and moral aspects of the category "work" in east Christian orthodox culture are revealed. The question of work which is one of the most important for the mankind can be considered as a category or a concept possessing various connotations depending on a certain type or a historical period of culture existence. The mankind's relation towards work fluctuates from its perception as a hard necessity to understand work as "the first vital need of a many-sided person". The category "work" has special connotations in the Orthodox culture. The author of the article comes to the conclusion that the Orthodox connotation of the category "work" has its features based on the attitude towards work which can be characterized as double when it was already possible to distinguish practical and spiritual. The spiritual part of work is based on the world outlook bases characterizing the Orthodox culture. The category "work" is included into the general system of theological representations; in East Christianity "the work divinity" is formed. The Christian church considers work as a means against idleness, as an means to bring up the Christian, his virtues such as humility, chastity and mildness, as a criterion of solvency of those who strives to follow a way of monkhood, the positively oriented practical life-and world order activity.

Keywords: labour, Orthodoxy, medieval culture, Orthodox culture, a concept, a category of culture, asceticism, holiness, monasticism, education.

Труд был и остается основой и решающим фактором всей человеческой жизни. Только в труде и с помощью труда удовлетворяются человеческие потребности, создается национальное богатство, формируется и развивается сам человек и общество в целом. Поэтому вопрос труда является одним из важнейших для человечества.

Опираясь на классиков отечественной медиовистики, таких как А. Я. Гуревич [3], А. Л. Юр-

ганов [8], которые рассматривают культуру как некую совокупность универсальных категорий, «без которых она невозможна и которыми пронизана во всех своих творениях» [3, с. 34], можно и необходимо расширять спектр этих категорий применительно к разным типам культуры. И если категории западноевропейского средневековья можно считать достаточно проработанными в западноевропейской и отечественной науке,

то те же категории культуры в древнерусской и русской средневековой культуре требуют отдельного рассмотрения и уточнения в связи с собственной спецификой этой культуры.

Различные концепты и категории русской средневековой культуры уже неоднократно подвергались нашему рассмотрению [9–13]. Труд также может быть рассмотрен как категория, или концепт, обладающий различными коннотациями в зависимости от определенного типа или исторического периода существования культуры.

Отношение человечества к труду колеблется от восприятия его как тяжелой необходимости до понимания как «первой жизненной потребности всесторонне развитого человека» [7, с. 1352].

Уже на заре человеческой истории стало формироваться отношение к труду, которое можно охарактеризовать как двойное, в котором уже различимо практическое и духовное [2]. Духовная сторона трудовой деятельности опирается на мировоззренческие основы, характеризующие каждую отдельную культуру в соответствии с каждым отдельным ее историческим этапом развития, или ее типом. Таким образом, это могут быть мифологические представления о труде как о способе поддержания мирового порядка, или религиозные, где главную роль играет мотив спасения. На более позднем этапе развития истории можно говорить о труде в духе протестантской этики и о коммунистическом к нему отношении.

Христианское отношение к труду, сформированное на основе Священного Писания, является во многом тем, что определяет и современную традицию. В полной мере это относится и к православию, в котором труд для других и труд во имя высокой цели становится особо значимым.

Как отмечает известный в России ученый-медиевист А. Я. Гуревич, отношение к труду в средние века было противоречивым [3, с. 204].

Этот дуализм был заложен уже в самом начале человеческой истории, когда в результате грехопадения люди были изгнаны из рая и в качестве кары небесной получили наказание – добывать себе хлеб насущный в поте лица своего, «возделывать землю, из которой он взят» (Быт., 3:23) [1].

И в Ветхом, и в Новом Заветах присутствует образ мира без труда – это жизнь в Эдемском саду или жизнь рядом с Христом, где нет заботы о хлебе насущном, который в нужный момент может появиться чудесным образом.

Поэтому уже в раннем Средневековье отсутствие необходимости трудиться становится мерилом иерархического неравенства, а «добывание материальных благ, грязные и тяжелые заботы о пропитании – делом грубой черни» [3, с. 204].

Христианин с самого начала истории христианской церкви живет по принципу «Не хлебом единым живет человек»¹. Это ветхозаветное воззвание Моисея, произнесенное им в пустыне, во время сорокалетнего странствия там евреев, отзывается в Новом Завете почти теми же словами, произнесенными Иисусом Христом опять же в пустыне, где он держал долгий пост: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Новый Завет, Матф., 4: 3–4) [1].

Таким образом, в целом, простой физический труд имел низкую оценку. Но очевидно, что в своей обыденной жизни люди не могут не трудиться. Поэтому христианская церковь должна была пересмотреть эту оценку труда. Тем самым категория «труд» вписывается в общую систему богословских представлений, как в западном, так и в восточном христианстве формируется «богословие труда».

Прежде всего, христианская церковь стала рассматривать труд как средство против праздности. Синонимами праздности в русском языке, помимо прочих, являются такие слова, как безделье, бесцельность, лень, пустота. Необходимо отметить, что все эти значения имеют негативную коннотацию, а с христианской точки зрения человек не может находиться в состоянии бесцельности и пустоты. Поэтому человек должен быть занят или молитвой, или трудом. Труд начинает оцениваться как средство воспитания христианина, его добродетелей, таких как смирение, целомудренность и кротость. Важным становится формулирование цели труда. Человек должен трудиться не ради наживы и обогащения, его цели выше. Вследствие такого подхода в монастырской практике появляются послушания, цель которых неочевидна, более того, задание, которое дается послушнику, кажется абсолютно бессмысленным, как, например, поливка сухого посоха в известной притче или посадка рассады на монастырском огороде вверх корнями. Очевидно, что такая капуста не вырастет. А что же вырастет тогда? Мы понимаем, каков должен быть ответ на этот вопрос.

Конечно, далеко не весь монашеский труд должен совершаться без практической пользы.

Но важно знать, какой труд угоден Богу. Прежде всего, это труд на земле и другие сельскохозяйственные занятия. Поскольку основу населения средневековой Европы составляли крестьяне, их труд начинает получать свои преимущества. Прежде всего, церковный год совпадает с земледельческим: он начинается в сентябре и заканчивается после уборки урожая. Земледельческие праздники начинают совпадать с церковными, установленный природой ритм жизни осмысливается как богоустановленный, и соответствие ему означает правильность жизненного распорядка. Труд прародителей Адама и Евы понимается теперь не как наказание, а как исконное, присущее человеку занятие, в отличие от праздности аристократии, которой еще не было, когда Адам и Ева пахали землю.

Земледелие разрешено было и монашествующим. Жития святых оставили нам яркие свидетельства об этом. Самым известным и почитаемым на Руси тружеником был преподобный Сергей Радонежский – один из самых популярных среди русского крестьянства святых, который, даже будучи настоятелем монастыря, шел первым в трудах и подвигах, ведя за собой монастырскую братию.

Сергий постоянно трудился, выполняя любую работу. Составитель жития Сергия Радонежского Епифаний Премудрый пишет об этом так: «Преподобный трудился на всех монастырских послушаниях: носил на плечах дрова и, наколов и разрубив на поленья, разносил по келлиям. ... Он усердно служил братии, как купленный раб: колот для всех дрова, как было сказано, толоч и молот жерновами зерно, пек хлеб, варил еду и заготавливал другие съестные припасы для братии, кроил и шил обувь и одежду и, зачерпнув воду в бывшем неподалеку источнике, носил ее в двух ведрах на своих плечах в гору и ставил у келии каждого брата» [4].

Автор жития подчеркивает особое христианское смирение, которое демонстрировал преподобный. Это выразилось в трудничестве святого не для себя, а для братии.

В западном христианстве заповеди бедности и аскетизма привели к появлению нищенствующих орденов, члены которых жили подаянием. Но, по мнению Сергия, и милостыня должна быть заработана. Труд становится выше и предпочтительнее подаяния. Об этом свидетельствует следующая житийная история: «Однажды в обители ... закончились хлеб и соль, и во всем монастыре истощились съестные припасы. Преподобный

Игумен установил для всей братии строгий порядок: если случалось такое искушение, что в обители не доставало хлеба или заканчивались запасы еды, то братии запрещалось выходить из монастыря для сбора подаяния у мирян по деревням и селам, иноки должны были оставаться в монастыре, просить у Бога и терпеливо ожидать Его милости. Что Преподобный повелел и заповедал братии, то выполнял и сам и терпел голод три или четыре дня, оставаясь совсем без еды.

По прошествии трех дней, на рассвете четвертого, Преподобный взял топор и пошел к одному старцу, жившему в монастыре, по имени Даниил, и сказал: «Я слышал, старче, что ты хочешь пристроить сени к келии. Я пришел к тебе, чтобы руки у меня не оставались без дела, позволь мне построить для тебя сени». Даниил отвечал: «Правда, я давно хочу их построить, и у меня все уже заготовлено для этого, вот только поджидаю плотника из деревни. С тобой я боюсь договариваться: ты, наверное, возьмешь с меня большую плату». «Я не возьму с тебя большой платы, – сказал Преподобный. – Нет ли у тебя гнилого хлеба, мне очень хочется его поесть. Ничего другого сверх этого я с тебя не потребую, потому что у меня нет и такого хлеба. Не говори, старче, что ты будешь ждать другого плотника – кто для тебя будет лучшим плотником?» Тогда старец Даниил вынес Преподобному решето с гнилым хлебом и сухими лепешками и подал со словами: «Если тебе так хочется этого хлеба, я охотно его отдам тебе, но больше у меня ничего нет». «Мне этого хватит с избытком, – ответил Игумен, – но побереги его до девятого часа: я не беру платы, пока мои руки не потрудились и я не закончил работы». Сказав это, блаженный Сергей крепко затянул пояс и принялся за работу. С раннего утра до позднего вечера он тесал доски, долбил и ставил столбы и, с Божией помощью, к вечеру закончил постройку сеней. Поздно вечером старец Даниил снова вынес ему решето с хлебом – условленную плату за его дневной труд. Взяв хлеб, Сергей положил его перед собой, помолился, благословил и начал есть ... Некоторые из братии ... наклонившись друг к другу, говорили: «Вот, братие, каково терпение и воздержание этого человека. Он ничего не ел четыре дня и утолил и смирил свой голод лишь к вечеру четвертого дня гнилым хлебом, да и этот гнилой хлеб он ест не даром, но заплатив за него дорожную цену» [4]. Эта дорогая цена – труд игумена Троице-Сергиевой Лавры (монастыря, который

назван его именем и теперь является самым первым и значимым в России).

Сергий всегда работал и выглядел всегда как простой монах. Поэтому часто его не узнавали те, кто ехал к нему поклониться, спросить совета и благословения. В житии есть эпизод, описывающий историю о том, что в очередной раз, когда Сергий работал на огороде, он не был признан приехавшим поклониться ему крестьянином. Сергий был очень обрадован тем, что поклонник его не мог признать в нем прославленного игумена. Он первым подошел к крестьянину, поклонился ему, поцеловал с большой любовью и похвалил его за то, что гнушался им и был принят крестьянином за нищего, «сироту».

Таким образом, привычка трудиться спасает Сергия от опасности возвышения над другими, свидетельствует о его скромности и требовательности к себе.

Труд для Сергия становится и мерилем состоятельности тех, кто стремится встать на путь монашества. «С самого начала своего игуменства Преподобный имел такой обычай: из всех, кто приходил к нему и хотел стать монахом, желая постричься, Сергий не прогонял никого – ни старого, ни юного, ни богатого, ни бедного, но всех принимал с любовью и радостью, только не сразу постригал желающего, но сначала повелевал ему ... довольно долго ходить вместе с братией на все монастырские работы, пока не навькнет всему монастырскому уставу; искушенных в монастырской жизни послушников» [9].

Совершенно справедливо отмечает известный всему миру исследователь древнерусской культуры Д. С. Лихачев, что главной добродетелью Сергия являлось то, что он был тружеником: «Бог сделал его тружеником, наставником множества иноков, многочисленной братии игуменов и главой. ... Сама служба в церкви была связана с его собственноручным трудом: «просфоры же он сам пек: сначала пшеницу толоч и молот. Муку просеивал, тесто месил и квасил. Так, испекши просфоры, служил он Богу от своих праведных трудов, а другому не разрешал никому, хотя очень хотели многие из братьев печь просфоры. Но преподобный старался быть учителем и исполнителем (“делателем”): и кутью сам варил, и свечи делал, и кануны творил» [5].

Таким образом, крестьянский труд, а потом и хозяйственные заботы, стали со времени Сергия постоянным элементом благочестивой деятельности русских святых из монахов. В русской агиографии предстает целая галерея образов свя-

тых монахов-тружеников, вслед за Сергием повторяющих свой труднический подвиг. Это и св. прп. Пафнутий Боровский, Зосима и Савватий Соловецкие, и многие другие. Также важным был труд по обоснованию обители, строительство монастырских храмов, о чем неоднократно свидетельствует житийная литература.

Но, как гласит «Зерцало монахов» XII в., «забота о труде не должна отвлекать дух от божественных предметов» [3, с. 206]. Современные православные предания рассказывают о видении одного печерского монаха, который был мебельщиком и делал мебель для монастыря. Однажды он увидел сон, в котором вся его мебель валялась в канаве, а рядом стояла Богородица, которая сказала, что не таких трудов от него ждали. А ждали от него трудов молитвенных, духовных. Таким образом, наряду с осмыслением достоинства физического труда, возникает осознание важности и труда духовного и труда умственного.

Таким образом, в русском православии формируется представление о труде как о «положительно ориентированной практической жизне- и мироустроительной деятельности» [6, с. 348]. Это представление актуально в русской культуре и сегодня. Православие дает свой образец и ориентир, пытаясь противопоставить его миру стяжательства, наживы и бездушного потребления. Понимаемый таким образом труд может быть и средством воспитания, и лекарством от социальных болезней общества. Что и доказывает православная педагогика, спасая людей в кризисных ситуациях – от суицида, наркомании и других пагубных привычек.

Библиографический список

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Заветов, канонические, в русском переводе с параллельными местами [Текст]. – Russian Bible, 1990.
2. Бойко, В. И. Развитие отношения к труду у народностей Севера [Текст] / В. И. Бойко, Ю. В. Попков. – Новосибирск, 1989.
3. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры [Текст] / А. Я. Гуревич // Гуревич А. Я. Избранные труды. – Т. 2. Средневековый мир. – М. – СПб., 1999.
4. Житие преподобного и богоносного отца нашего игумена Сергия Чудотворца, написанное Епифанием Премудрым (по изданию 1646 г.) // Житие и чудеса преподобного Сергия игумена Радонежского, записанные преподобным

Епифанием Премудрым, иеромонахом Пахомием Логофетом и старцем Симоном Азарьиным. Оп.: Москва: Православная энциклопедия, Свято-Троицкая Сергиева Лавра. – М., 1997 // Библиотека Якова Кротова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/acts/17/azaryin/azar_1.html

5. Лихачев, Д. С. Сергей Радонежский и Франциск Ассизский / Д. С. Лихачев // Наука и религия. – 1998. – № 6 (июль) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://yro.narod.ru/yar/Sergij_Francisk.htm

6. Топоров, В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре [Текст] / В. Н. Топоров. – Том II. Три века христианства на Руси (XII–XIV вв.). – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 348.

7. Труд [Текст] // Советский энциклопедический словарь. – М., 1983.

8. Юрганов, А. Л. Категории русской средневековой культуры [Текст] / А. Л. Юрганов. – М., 1998.

9. Юрьева, Т. В. «Сгущенный разум человечества» (Эстетические и внеэстетические характеристики канона) [Текст] / Т. В. Юрьева // Ярославский педагогический вестник. – 1996. – № 3. – С. 43–46.

10. Юрьева, Т. В. Актуализация функции храма-памятника в культуре XX века (архитектура русского Зарубежья) [Текст] / Т. В. Юрьева // Концепты культуры XX века. – Ярославль, 2009. – С. 66–74.

11. Юрьева, Т. В. Канонизация святых как культуротворчество [Текст] / Т. В. Юрьева // Славянский альманах'1998. – М.: Индрик, 1999. – С. 165–181.

12. Юрьева, Т. В. Православная картина мира: мировосприятие и художественный образ: курс лекций [Текст] / Т. В. Юрьева. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2006.

13. Юрьева, Т. В. Трансформация феномена святости в религиозной культуре XX века [Текст] / Т. В. Юрьева // Концепты культуры XX века. – Ярославль, 2009. – С. 53–65.

Bibliograficheskiy spisok

1. Biblija. Knigi svjashhennogo pisanija Vethogo i Novogo Zaveta, kanonicheskie, v russkom perevode s parallel'nymi mestami [Tekst]. – Russian Bible, 1990.

2. Bojko, V. I., Popkov, Ju. V. Razvitie otnoshenija k trudu u narodnostej Severa [Tekst] / V. I. Bojko. – Novosibirsk, 1989.

3. Gurevich, A. Ja. Kategorii srednevekovoj kul'tury [Tekst] // Gurevich A. Ja. Izbrannye trudy. – T. 2. Srednevekovyj mir. – М. ; SPb., 1999.

4. Zhitie prepodobnogo i bogonosnogo otca nashego igumena Sergija Chudotvorca, napisannoe Epifaniem Premudrym (po izdaniju 1646 goda) // Zhitie i chudesa prepodobnogo Sergija igumena Radonezhskogo, zapisannye prepodobnym Epifaniem Premudrym, ieromonahom Pahomiem Logofetom i starcem Simonom Azar'inym. Op.: Moskva: Pravoslavnaja jenciklopedija, Svjato-Troickaja Sergieva Lavra. – М., 1997 // Biblioteka Jakova Krotova [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://krotov.info/acts/17/azaryin/azar_1.html

5. Lihachev, D. S. Sergij Radonezhskij i Francisk Assizskij // Nauka i religija, № 6, ijul', 1998 g [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://yro.narod.ru/yar/Sergij_Francisk.htm

6. Toporov, V. N. Svjatost' i svjatye v russkoj duhovnoj kul'ture [Tekst] / V. N. Toporov. – Том II. Tri veka hristianstva na Rusi (XII–XIV vv.). – М.: Jazyki russkoj kul'tury, 1998. – С. 348.

7. Trud [Tekst] // Sovetskij jenciklopedicheskiy slovar'. – М., 1983.

8. Jurganov, A. L. Kategorii russkoj srednevekovoj kul'tury [Tekst] / A. L. Jurganov. – М., 1998.

9. Jur'eva, T. V. «Sgushhennyj razum chelovechestva» (Jesteticheskie i vnejesteticheskie harakteristiki kanona) [Tekst] / T. V. Jur'eva // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 1996. – № 3. – С. 43–46.

10. Jur'eva, T. V. Aktualizacija funkcii hramapamjatnika v kul'ture NN veka (arhitektura russkogo Zarubezh'ja) [Tekst] / T. V. Jur'eva // Koncepty kul'tury NN veka. – Jaroslavl', 2009. – С. 66–74.

11. Jur'eva, T. V. Kanonizacija svjatyh kak kul'turotvochestvo [Tekst] / T. V. Jur'eva // Slavjanskij al'manah'1998. – М.: Indrik, 1999. – С. 165–181.

12. Jur'eva, T. V. Pravoslavnaja kartina mira: mirovosprijatie i hudozhestvennyj obraz: kurs lekcij [Tekst] / T. V. Jur'eva. – Jaroslavl': Izd-vo JaGPU, 2006.

13. Jur'eva, T. V. Transformacija fenomena svjatosti v religioznoj kul'ture NN veka [Tekst] / T. V. Jur'eva // Koncepty kul'tury NN veka. – Jaroslavl', 2009. – С. 53–65.

¹ «Не одним хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа, живет человек» (Ветхий Завет. Второзак., 8:3).